

ина стрела“, и наименование монголов „агарянами“, и восходящие к старшим летописям подробности о маршруте Батия („безвестно лесом“, „ста на Онозе“), как равно и подробности о чародейке в числе его послов, — все это отыскивается под соответствующим 6745 годом в Хронографе редакции 1512 г. И, как сразу видно, смещение этих заимствованных отсюда подробностей с текстом Повести выполнено местами почти механически. Так, к словам Повести — „ста на реке на Воронежи“ — хронографическая редакция из указанного дополнительного источника присоединила — „на Онозе“, вовсе не сообразуясь с получившимся в результате противоречием.

Итак, удалив из текста хронографической редакции Повести эти и все остальные подобные им заимствования из Хронографа, получим, с небольшими лишь сокращениями, тот самый вид Повести, который мы назвали редакцией распространенной. Она-то и легла, как отсюда явствует, в основу хронографической. Признав, таким образом, распространенную редакцию старше не только компилятивной, но и хронографической, мы тем самым значительно уточняем предельные даты ее возникновения. Дело в том, что хронографическая редакция Повести, тесно связанная, как мы видели, с текстом Хронографа, могла возникнуть, скорее всего, одновременно с той редакцией этого последнего, в которую впервые и была включена. Такой его редакцией, легшей в основу „Русского Временника“, А. А. Шахматов считал редакцию 1520 года, предполагаемый протограф западно-русской редакции, не разделенной на главы (ПСРЛ, т. XXII, Пгр., 1914), одного из хронографических слоев Никоновской летописи, Академического списка Хронографа редакции 1599 г. и основной части „Русского Временника“.¹ Ближайшее, однако, изучение всех наличных списков Хронографа как в западно-русской редакции, так и в редакции 1512 г., предпринятое их редактором (при издании Археографической комиссией) С. П. Розановым,² существенно изменило нарисованную А. А. Шахматовым картину, установив, во-первых, зависимость Никоновской летописи не от предполагаемого протографа западно-русской редакции, а от нее самой, и признав, во-вторых, хронографический протограф „Русского Временника“ предшественником не западно-русской редакции, а редакции, разделенной на главы.

Гипотеза о двух редакциях западно-русского Хронографа и датировка предполагаемой первой 1520-м годом оказалась, таким образом, несостоятельной. В полной, напротив, неприкосновенности должны остаться выводы А. А. Шахматова относительно другого более позднего извода Хронографа в основе „Русского Временника“ — редакции 1533 г. „Связный летописный рассказ Русского временника“, — говорит он — „тянется до 1533 года: вслед за известием о возвращении в Москву после крымского похода великого князя Василия Ивановича 21 августа 7041 сентябрьского года, мы находим (II, 363) известие от 19 декабря 7042-го сентябрьского года о слитии колокола и поставлении его Николаем Немчиным; но между этими двумя событиями случилось важное происшествие — смерть вел. кн. Василия Ивановича (3 декабря 7042-го сентябрьского года); неупоминание о нем в Русском Временнике служит прямым доказательством того, что в более первоначальной редакции он был составлен в 7041 (1533) г., причем приписка о колоколе, равно как и следующие затем статьи — о преставлении Александра Свирского (ум. 30 дек. 1533 г.), сказание от жития Даниила Переяславского (ум. 7 апреля 1540 г.), предисловие о великих князьях литовских (Русск. Врем., II, 364—386) — вне

¹ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. Сборник ОРЯС АН, т. LXVI, № 8, 1899, стр. 37—57.

² С. П. Розанов. Хронограф западно-русской редакции. СПб., 1912, стр. 1—13.